

ЗАМУЖЕСТВА АЙЛИН И ЦИНЛИН

Чарли Сун оставался в Японии. Из-за связи с Сунь Ятсеном он не мог вернуться в Шанхай — это было небезопасно. Чарли тосковал по родине и друзьям. Однажды на вокзале в Токио он случайно встретил свою близкую приятельницу миссис Робертс, американскую миссионерку. Обрадованный Чарли заключил женщину в объятия (в то время в Японии представители противоположных полов крайне редко позволяли себе обниматься у всех на виду). Миссис Робертс вспоминала, как Чарли провожал ее: он стоял на перроне и махал рукой, «его глаза были полны слез, и никогда еще расставание не причиняло мне таких мучений»¹.

Чарли проводил много времени в местном отделении Юношеской христианской ассоциации. Там он познакомился с молодым человеком по имени Кун Сянси. Ответственный, добродушный и вежливый, Кун Сянси очень понравился Чарли. Мужчина был вдовцом на несколько лет старше Айлин. Он был родом из провинции Шаньси на северо-западе Китая и происходил из зажиточной семьи. Его семья жила в большом доме, построенном в традиционном китайском стиле. Дом венчала прочная нарядная крыша из черной черепицы, окна с решетчатыми переплетами смотрели во внутренний дворик. Как и Айлин, Кун Сянси посещал миссионерскую школу и учился в Америке. Он закончил Оберлинский колледж и имел диплом магистра Йельского университета. Но самое главное, он был набожным христианином — его крестили в возрасте двенадцати лет после того, как врач из миссии вылечил ему опухоль. За работу в токийском отделении Юношеской христианской ассоциации Кун Сянси получал жалованье от Оберлинского колледжа.

Чарли пригласил Кун Сянси на ужин, где молодой человек познакомился с Айлин. Вскоре они полюбили друг друга. В преклонные годы

Кун Сянси писал в мемуарах: «Мы часто гуляли в парке. Моя жена обожала поэзию. В колледже она специализировалась на английской литературе... Это была истинная любовь!»²

Поведение Сунь Ятсена — не только по отношению к близким, но и по отношению к политическим оппонентам, — все чаще вызывало у Айлин неприятие. Айлин и Кун Сянси крайне отрицательно восприняли войну Сунь Ятсена против президента Юань Шикая, развязанную после убийства Сун Цзяожэня. Кун Сянси симпатизировал Сун Цзяожэню, поэтому потребовал у Сунь Ятсена доказательств виновности Юань Шикая. Сунь Ятсен признался, что фактов нет — одни подозрения. Слушая Сунь Ятсена, Кун Сянси чувствовал отвращение к нему. В своих мемуарах Кун Сянси писал: складывалось ощущение, что Сунь Ятсен действует в интересах Японии, а не Китая. Некие «японские организации стремились помочь доктору Сунь Ятсену, чтобы сеять беспорядки в Китае. Организация молодых офицеров намеревалась захватить Китай. Они пытались помочь доктору Сунь Ятсену прийти к власти и при его участии разделить Китай... Мне казалось, что японцы используют его». Кун Сянси предупредил Сунь Ятсена о подобной опасности и поделился с ним своими соображениями: «Я считал, что Юань Шикаю и доктору Сунь Ятсену остается только одно — объединить усилия, чтобы Китай не распался, а, наоборот, сплотился». Кун Сянси также претили диктаторские замашки Сунь Ятсена. Вернувшись в Японию после неудачной кампании против Юань Шикая, Сунь Ятсен решил порвать с Гоминьданом, который почти не поддерживал его в этой войне, и учредил новую партию — «Китайский революционный союз» (Чжунхуа гэмಿಂದан). Сунь Ятсен настаивал на том, чтобы члены новой партии давали клятву, обещая полностью подчиняться ему лично. Шокированный этим Кун Сянси стал избегать общения с Сунь Ятсеном и членами его партии. Один из друзей писал, что Кун Сянси «так и не примкнул к революционерам, хотя ему предлагали». По сути, он «презирал их» и «оставался преданным сторонником правительства [Юань Шикая]... жертвуя при этом собственной популярностью у некоторых китайских студентов». Айлин согласилась с позицией Кун Сянси и начала деликатно, но явно отдаляться от Сунь Ятсена³.

Кун Сянси и Айлин решили пожениться. Их свадьба состоялась в сентябре 1914 года в Иокогаме, в маленькой церкви на холме. На церемонии присутствовали родственники и близкие друзья. Сунь Ятсена в их числе не было. Айлин хорошо запомнила этот день: на ней был свадебный наряд — жакет и юбка из бледно-розового атласа, расшитые узором из цветов сливы* более насыщенного оттенка розового, а прическу украшали живые цветы в тон костюму. После праздничной трапезы в доме Чарли Суна новобрачные уехали в свадебное путешествие. Перед отъездом Айлин переоделась в платье из светло-зеленого атласа с вышитыми на нем золотыми птичками. В тот день погода была переменчивой, но как только молодожены оказывались под открытым небом, дождь прекращался и выходило яркое солнце, так что прическа Айлин и ее наряд не пострадали. Новобрачные решили, что это «очень хорошее предзнаменование»⁴.

После свадебного путешествия супруги отправились на родину Кун Сянси — в провинцию Шаньси, где начали жить самостоятельно. Муж Айлин работал директором местной миссионерской школы, а она там же преподавала. Вскоре Кун Сянси занялся бизнесом и с помощью жены смог сколотить огромное состояние.

Сунь Ятсен выразил недовольство по поводу брака Айлин и Кун Сянси, однако его сердце отнюдь не было разбито: в его окружении появилась более молодая и миловидная женщина, затмившая Айлин. Этой женщиной стала ее сестра Цинлин, выпускница Уэслианского колледжа, вернувшаяся на родину в августе 1913 года. В отличие от осмотрительной и осторожной Айлин, младшая сестра была пылкой и порывистой, к тому же она стала настоящей красавицей с нежной и тонкой, как фарфор, кожей. Цинлин заняла место ассистента-переводчика Сунь Ятсена. Судя по всему, Айлин умолчала о том, что Сунь Ятсен пытался ухаживать за ней. Она предпочитала не распространяться о подобных вещах.

* В Китае слива символизирует долголетие, выносливость, силу духа, красоту и чистоту. Сливовое дерево также традиционный восточный символ юности девушки, а пять лепестков цветка сливы олицетворяют собой радость, счастье, долголетие, мир и удачу. *Прим. ред.*

Соученики Цинлин по Уэслианскому колледжу запомнили ее «сшитый по особому заказу теплый костюм» и «ее комнату, всегда наполненную восточными ароматами». Цинлин была «еще более тихой, чем ее старшая сестра», держалась «очень робко» и «сдержанно». Правда, Цинлин проявила себя и с другой стороны. Ее сокурсница рассказывала: «Помню, как была взволнована [Цин]лин, когда узнала, что Китай стал республикой. Меня эта новость заинтересовала именно из-за того восторга, который она выразила. Она всегда казалась спокойной и невозмутимой, и я удивилась, увидев, сколько жизни в ней на самом деле». В Цинлин было не только жизнелюбие, но и страсть к политике. В комнате Цинлин висел национальный флаг Китая эпохи правления маньчжуров — дракон на желтом фоне. Однажды ее соседка по комнате увидела, как Цинлин забралась «на стул, чтобы снять со стены китайского дракона, ведь отец прислал ей новый флаг Республики». Цинлин с «эффектным возгласом “К черту дракона! Да здравствует флаг Республики!” бросила старое знамя на пол и затоптала ногами»⁵.

Сунь Ятсен был кумиром Цинлин. По дороге в Японию, где ей предстояло встретиться с отцом и с Сунь Ятсеном, Цинлин сообщала одному из своих преподавателей: «Я везу доктору Суню ящик калифорнийских фруктов от его местных почитателей и горжусь тем, что мне выпала честь доставить ему личное письмо»⁶. Поскольку семья Цинлин поддерживала тесную связь с Сунь Ятсеном, его соратники тепло приветствовали двадцатилетнюю девушку. Цинлин, которая любила разыгрывать из себя важную особу, писала своей учительнице Маргарет Холл: «Я... ходила по званым ужинам и театрам, пока не свыклась с жизнью на широкую ногу... Я была “почетной гостьей” на приеме в честь китайских студентов... Поднявшись на борт, я обнаружила, что моя каюта вся в цветах и завалена газетами, журналами и фруктами. Я почувствовала себя по-настоящему знатной персоной»⁷.

Цинлин взяла за образец Жанну д'Арк и отождествляла себя с героинями, которые самоотверженно боролись «за правое дело». С фотографии, сделанной в те годы, Цинлин смотрит дерзко, словно протестуя против какой-то чудовищной несправедливости. На момент ее знакомства с Сунь Ятсеном его политическая карьера находилась в самом серьезном кризисе со времен основания республики. Война с Юань

Шикаем закончилась для Сунь Ятсена поражением, он жил в тесной комнатухе без мебели (такие снимают студенты) и существовал за счет мелких пожертвований от японских спонсоров. Все то, что наверняка оттолкнуло бы других женщин, внушило Цинлин еще бóльшую любовь к нему. Для нее невзгоды Сунь Ятсена были проявлением вопиющей несправедливости, ведь он жертвовал собой ради молодой республики. Эта мысль трогала Цинлин до глубины души. «У него поистине железные нервы», — говорила она с нежностью и благоговением. И мечтала посвятить ему свою жизнь и разделить с ним груз испытаний, выпавших на его долю. Цинлин влюбилась.

Жизнь с Сунь Ятсеном была яркой и насыщенной. Несмотря на свою вражду с действующим президентом Китая, Сунь Ятсен, как бывший временный президент (и первый президент Китайской Республики), был востребован в обществе. Вместе с ним на всевозможные торжественные и светские мероприятия приглашали Цинлин, и она прекрасно проводила время. В одном из писем своей американской подруге Элли Слип Цинлин сообщала, что посетила знаменитый курорт с горячими источниками — «самый великолепный отель в мире», — где вращалась в высших кругах: «Сейчас... расскажу, за кого я безумно хотела бы выдать тебя замуж. Он австрийский посол и самый симпатичный холостяк на свете. Там присутствовали все члены посольства»⁸.

Цинлин также описывала «миниатюрный фруктовый сад», который видела в другом живописном уголке: «Он был великолепен. Самые разные карликовые деревья: яблони, груши, гранаты, хурма. Какой невероятно интересной стала сейчас жизнь. Если ты любишь все красивое, обязательно приезжай на Восток как можно скорее. Я буду твоей дуэньей, а если ты пожелаешь нарвать запретных плодов, стану смотреть на это сквозь пальцы».

Цинлин обнаружила, что у них с Сунь Ятсеном много общего. Он принял христианство, но глубиной веры никогда не отличался. Цинлин с самого детства весьма скептически относилась к миссионерам и не воспринимала их всерьез. Восхищаясь очередной танцевальной вечеринкой под звуки гавайского оркестра на борту судна, следовавшего в Японию, она добавила: «Даже миссионеры присоединились — разумеется, исключительно в качестве зрителей». Цинлин делилась с Сунь Ятсеном

забавными историями, которые были связаны с ее религиозной жизнью: «Когда я рассказала ему, как во время учебы в Америке нас всех по воскресеньям гоняли в церковь и я пряталась в шкафу за одеждой, а когда все девочки и наставницы уходили, вылезала и писала письма домой, он расхохотался и заявил: “Значит, нам обоим гореть в аду”»⁹.

Зарождавшееся между ними чувство казалось Сунь Ятсену подарком судьбы. Он влюбился без памяти. Однажды, когда Цинлин уехала в Шанхай навестить мать, Сунь Ятсен поручил своему агенту найти способ отправлять девушке любовные письма так, чтобы ее мать ни о чем не догадывалась. В ожидании ответов от Цинлин он терял аппетит и сон — его квартирная хозяйка сразу распознала у него любовное томление. Сунь Ятсен доверился ей: «Я просто не могу не думать о Цинлин. С тех пор как я встретил ее, я чувствую, что впервые в жизни полюбил. Теперь мне известна сладость любви и ее горечь»¹⁰.

Пожалуй, самым верным признаком влюбленности Сунь Ятсена было то, что человек, называвший себя «спасителем Китая», «единственным великим и благородным лидером» и требовавший от всех вокруг «безоговорочного подчинения», не ощущал уверенности во взаимоотношениях с Цинлин и боялся, что девушка отвергнет его. Желая подразнить его, Цинлин, например, могла сказать, что решила перебраться в Америку, хотя на самом деле подобных планов у нее не было. Как-то раз, уезжая в Шанхай, она заявила, что намеревается выйти там замуж и в следующий раз они увидятся, когда она будет вместе с супругом. Когда прошел слух, что президент Юань Шикай хочет стать императором, Цинлин сообщила Сунь Ятсену, что подумывает сочетаться с Юань Шикаем браком, «чтобы быть императрицей» или императорской наложницей¹¹. Слова Цинлин привели Сунь Ятсена в ярость, он попросил ее отца объяснить, правда это или нет. Озадаченный Чарли ответил: «Я склонен считать, что это шутка, нежели что-либо другое», «детский лепет», «не верьте всему, что говорят юные девушки, которые любят позабавиться». По-видимому, Чарли не обратил внимания на то, что его дочь потешалась подобным образом именно над мужчиной, который, как она знала, по уши влюблен в нее. Чарли, убежденный, что все в порядке, вернулся в Шанхай. Цинлин осталась наедине с Сунь Ятсеном, и ее любовь расцвела пышным цветом.

Летом 1915 года Цинлин приехала в Шанхай — просить у родителей разрешения выйти замуж за Сунь Ятсена. Шокированные этим известием родители отказались дать дочери свое согласие. Они приводили множество доводов, в том числе упоминали разницу в возрасте: жениху было сорок восемь лет, невесте — чуть больше двадцати. Вокруг столько приличных молодых христиан, за которых Цинлин могла бы выйти замуж, говорили родители. Вот, например, Юн и Дань часто бывают у них в доме. Почему бы не выбрать одного из них или еще кого-нибудь? Чарли не забыл автомобильную аварию в Токио и холодный отказ Сунь Ятсена навестить серьезно пострадавшую жену. Несмотря на весь свой революционный пыл, этот человек не сможет стать достойным супругом их дочери. Однако наиболее сильные эмоции вызывал другой аргумент: у Сунь Ятсена уже есть жена и дети. Развод будет «предательством по отношению к женщине, делившей с ним невзгоды, и к детям», которые старше самой Цинлин. Если же Сунь Ятсен решит не разводиться, Цинлин ждет роль наложницы, и тогда она не только опозорит себя и своих родных, но и нарушит христианские заповеди. Семья Сун — «христианская семья, и ни одна из наших дочерей никогда не станет ничьей наложницей: ни короля, ни императора, ни величайшего из президентов земли», утверждал Чарли в письме, которое отправил Сунь Ятсену после того, как Цинлин заявила о своих планах быть наложницей Юань Шикая. Цинлин «испытывает отвращение даже к беседам с наложницами», добавлял отец девушки. И она никогда не вступила бы в разговор «со второй женой», если оказалась бы в ее обществе. Айлин тоже пыталась убедить младшую сестру в том, что ей не следует выходить замуж за Сунь Ятсена. Слова Айлин привели Цинлин в бешенство. В разгар бурной ссоры Цинлин лишилась чувств. Девушку отнесли наверх, в ее спальню, и заперли дверь снаружи. После этого инцидента в доме семьи Сун разыгралось еще немало жутких скандалов¹².

Цинлин ссорилась с родными в Шанхае, а в это время, в сентябре 1915 года, жена Сунь Ятсена прибыла по его приглашению в Японию, чтобы обсудить развод. Мучжэнь скорбела по недавно умершему брату Сунь Ятсена: А-Ми, который все эти годы поддерживал ее семью, скончался в возрасте шестидесяти одного года. Она потеряла человека,

который действительно заботился о ней и ее детях. Убитая горем Мужжэнь равнодушно восприняла заявление неверного мужа о намерении развестись. Она вернулась домой, в Макао, где прожила еще сорок лет. С Сунь Ятсеном они больше никогда не встречались.

Однако не существовало способа оформить их развод документом, который имел бы законную силу. Брак Сунь Ятсена и Мужжэнь был традиционным, и для женщины не предусматривалась возможность развода по обоюдному согласию. Развод обычно подтверждался письмом от мужа, в котором сообщалось о возврате жены родителям. Сунь Ятсен не хотел унижать Мужжэнь подобным образом.

Утверждая, что теперь он разведен по закону, Сунь Ятсен отправил в Шанхай гонца, чтобы тот привез Цинлин. Осенней ночью девушка сбежала из отчего дома и села на пароход, отправлявшийся в Японию. Согласно рапортам службы наблюдения японского правительства, Сунь Ятсен встретил невесту в Токио 25 октября 1915 года¹³. На следующий день они поженились. Церемонию провел Вада Мидзу в своем доме, пара подписала три экземпляра «брачного договора» на японском языке, который подготовил Вада. Не зная японского Цинлин думала, что Вада — «знаменитый юрист», а «договор» зарегистрирован согласно требованиям властей Токио и обладает юридической силой. В действительности же Вада Мидзу был не юристом, а владельцем небольшой торговой компании, и власти Токио не регистрировали браки иностранцев. «Брачный договор» представлял собой не имевшую юридической силы бумагу, которую Вада составил и завизировал как «свидетель». Всю церемонию разыграли только ради двадцатилетней Цинлин, которая училась в миссионерской школе и придавала огромное значение законности брака.

Сунь Ятсен не пригласил на свадьбу никого из своих друзей, кроме Ляо Чжункая — самого преданного и надежного человека, который исполнил роль второго «свидетеля». Ляо привел с собой одиннадцатилетнюю дочь Синтию, которая служила невесте переводчиком.

После подписания «договора» Вада устроил новобрачным легкий ужин. Затем все трое уехали на машине, которая привезла Сунь Ятсена. Ваду высадили у ресторана, где можно было поужинать с гейшами, а молодожены отправились домой. Теперь они жили не в крошечной

комнатушке, а в «уютном домике среди кленов с алой листвой». Этот домик очень нравился Цинлин. Она говорила, что свадьба была «предельно простой», и добавляла: «ведь мы оба терпеть не можем всякого рода церемонии»¹⁴.

Через день после свадьбы на пороге их дома появились родители Цинлин. Убегая, девушка оставила им письмо, и супруги Сун поспешили в Японию следующим же пароходом. Много лет спустя Цинлин писала своему другу и биографу Израэлю Эпштейну, которого называла Эппи, что родители отчаянно «пытались убедить» ее вернуться домой: «Мама плакала, а отец, который страдал болезнью печени, умолял меня... Он даже обратился к японскому правительству... утверждая, что я несовершеннолетняя и что меня принудили к замужеству силой! Естественно, японское правительство не смогло вмешаться. Я тоже горько плакала, но, несмотря на всю жалость к моим родителям, отказалась расстаться с мужем. Знаете, Эппи, хотя с тех пор прошло более полувека, у меня такое чувство, будто это было всего несколько месяцев назад»¹⁵.

Решение Чарли сообщить японскому правительству о поступке Сунь Ятсена свидетельствует о том, как сильно он был огорчен. Чарли считал Сунь Ятсена «порядочным и благородным» человеком, который «ни в коем случае не станет обманывать... друзей». Теперь же Чарли оказался серьезно разочарован поведением своего кумира. О своих переживаниях он поведал старому другу Биллу Берку: «Билл, еще ни разу в жизни меня так не оскорбляли». Чарли так и не простил Сунь Ятсена. Айлин и ее муж отмечали, что разрыв Чарли с Сунь Ятсеном «был окончательным... и давняя дружба превратилась во вражду»¹⁶.

Известие о браке Цинлин и Сунь Ятсена стало достоянием общест-венности. Миссионеры сочли, что Цинлин сбежала и вышла замуж тайно, поэтому советовали Чарли привезти ее обратно. Товарищи Сунь Ятсена не признали ее в качестве жены своего лидера и называли ее не «госпожой Сунь», а «барышней Сун».

Цинлин старалась не обращать внимания на подобные вещи и пребы-вала в твердой уверенности, что их союз основан на добродетели. Она полностью погрузилась в ощущение счастья, как писала своей подруге Элли спустя несколько недель после свадьбы:

«В последнее время я настолько рассеянна, что даже не помню, отправила тебе письмо или нет. На всякий случай пишу несколько строк, что я вполне обеспокоена [*sic*, спокойна], и счастлива, и рада, что мне хватило смелости преодолеть свои страхи и сомнения и решиться выйти замуж.

Я чувствую, что обзавелась семьей, и мне нравится семейная жизнь. Я *так занята* — помогаю мужу в его работе, отвечаю на его письма, разбираю все телеграммы и перевожу их на китайский. И я надеюсь, что когда-нибудь все мои труды и жертвы будут вознаграждены — и я увижу, что Китай избавился от гнета тирании и монархизма и стал республикой в лучшем смысле этого слова»¹⁷.

Упоминание о «жертвах» говорит о том, что в глубине души Цинлин понимала: ее брак не является законным. Она смирилась с этим, уверяя себя, что действует во имя всеобщего блага. Их брак был настоящим во всех отношениях, кроме официального статуса. Сунь Ятсен не нарушал клятву и хранил верность супруге, а Цинлин была готова отдать за него свою жизнь.

Тем временем у президента Юань Шикая, популярного в народе и надежно закрепившегося на своем посту правителя, начали непомерно расти амбиции. Он всегда мечтал об императорском престоле и в 1915 году провозгласил, что возвращает в Китай монархию и сам становится императором. Однако новоиспеченного монарха тревожило отсутствие легитимности. Трон императора в Запретном городе охранял вырезанный на потолке дракон, который держал в зубах большой серебряный шар. В народе говорили, что этот шар упадет на голову любому, кто сядет на трон, если этому человеку там не место. Юань Шикай так сильно боялся, что шар рухнет ему на голову, что приказал перенести трон подальше от дракона¹⁸. Общественность, привыкшая за последние десять лет громко выражать свое мнение, выступила решительно против возврата к монархии. Эти настроения поддержали соратники президента и военачальники. Республике суждено было остаться в стране надолго. Двадцать второго марта 1916 года, через восемьдесят три дня после

заявления о своем намерении стать императором, Юань Шикай отказался от этой затеи. На императорский престол он так и не взошел*.

Неудачная попытка Юань Шикая стать императором подорвала его репутацию, и Сунь Ятсен поспешил воспользоваться промахом оппонента. Сунь Ятсен опасался, что если Юань Шикай покинет пост президента, то, согласно конституции, его кресло автоматически займет вице-президент Ли Юаньхун. В этом случае Сунь Ятсен лишится дискредитировавшего себя противника. Ли Юаньхун, уважаемый военачальник, принявший активное участие в революции 1911 года, был способным политическим деятелем. Если Юань Шикай уйдет в отставку, Сунь Ятсену вряд ли удастся сместить Ли Юаньхуна с поста президента. Сторонники Сунь Ятсена понимали: необходимо немедленно свергнуть Юань Шикая. Сунь Ятсен отправлял срочные телеграммы из Японии в Китай, приказывая поднять восстание. Особые надежды он возлагал на «крестного отца» Чэня и отдал ему распоряжение организовать мятеж в Шанхае¹⁹.

Чэнь находился в Шанхае негласно и потому не сумел выполнить приказ Сунь Ятсена. «Крестного отца» разыскивало не только китайское правительство, но и власти сэтльмента. Всех раздражало его стремление превратить Шанхай, который и так уже стал раем для бандитов, в поле боя. Во время республиканской революции 1911–1912 годов «крестный отец», удерживая в своих руках город, не боролся с бандами, а, наоборот, защищал их, тогда как многие другие поддерживавшие республиканцев лидеры провинциальных банд выступили против бывших товарищей. Гангстеры отовсюду стекались в Шанхай и чувствовали себя там весьма вольготно.

* В июле 1917 года была предпринята еще одна попытка реставрации монархии — на этот раз генералом Чжан Сюнем, который сохранял преданность маньчжурской династии. Вместе со своими подчиненными он носил прическу в маньчжурском стиле — косу, — и его прозвали «генерал с косой». Его армия вошла в Пекин и возвела последнего императора Пу И на престол в Запретном городе. Но реставрация почти не пользовалась поддержкой. Даже придворные, вызванные во дворец для подготовки императорских указов, были «слишком раздражены и встревожены, чтобы проглотить хоть что-нибудь» за обедом у императора. Мальчишки-газетчики, торговавшие вразнос указами, кричали: «Покупайте древности! Древности за шесть медяков! Через несколько дней будет еще!» Этот фарс продолжался всего двенадцать дней.

Теперь даже бандиты отвернулись от Чэня. Он вышел за рамки привычной для них деятельности, ввязался в политику и попал в команду проигравших. Он был уже не могущественным «крестным отцом», а всего лишь неудачливым революционером. Помимо того что он не сумел успешно провести выступления, ему не удалось собрать средства. В те времена, когда Чэнь контролировал весь Шанхай, он шантажировал владельцев банков и бизнес-структур, и они «отстегивали» ему огромные суммы. Однажды «крестный отец» услышал от директора шанхайского отделения «Банка Китая», что тот не может просто так отдать деньги из банка. Чэнь приказал схватить этого человека, и банк тут же заплатил требуемую сумму. Но сейчас Чэню оставалось лишь мечтать о столь легких решениях. Ему было нечем расплачиваться за волнения и мятежи, и он не мог содержать такое количество наемников, как ему хотелось бы. По сути, президент Юань Шикай воспользовался его же оружием и стал гораздо более завидным покровителем для профессиональных убийц.

Поскольку дела у Чэня почти не двигались, а неудачи следовали одна за другой, Сунь Ятсен относился к бывшему соратнику все более нетерпимо и презрительно. Его приводил в ярость тот факт, что теперь он вынужден был финансировать «крестного отца». Сунь Ятсен тайно прибыл в Шанхай, чтобы взять руководство в свои руки; такое поведение не было ему свойственно и говорило о том, как он спешил. Юань Шикай мог с минуты на минуту заявить о своей отставке, ведь на него оказывали огромное давление, требуя именно так и поступить. При личной встрече Сунь Ятсен сурово отчитал «крестного отца»; когда они расставались, Чэнь находился в крайне подавленном состоянии. Болезни давно уже мучили его, и окружающие отмечали, что он выглядел «изнуренным и безжизненным, как скелет». Несмотря на то что «крестный отец» числился в розыске, он ходил по улицам Шанхая без охраны. На самом деле телохранитель был ему просто не по карману. Вскоре Чэнь по собственной неосмотрительности угодил в смертельную ловушку.

Один из товарищей-революционеров, ставший доносчиком, сообщил Чэню о «сделке» с какой-то «горнодобывающей компанией». Сделка сулила значительное пополнение для казны Сунь Ятсена, и Чэнь

согласился на переговоры. Восемнадцатого мая 1916 года он отправился в дом, который часто использовал для встреч с «представителями компаний». В гостиной его поджидали пятеро таких «представителей». Чэня убили выстрелом в голову, он погиб в возрасте тридцати восьми лет. Охраны в доме не было, убийц впустили внутрь, не проверив, есть ли при них оружие. Подобная беспечность кажется удивительной; к тому же и сам Чэнь, и Сунь Ятсен знали, что эта «горнодобывающая компания» — фикция. По-видимому, Чэнь решил, что, если ему повезет, он добудет деньги для Сунь Ятсена, а если нет, тогда и смерть ему не страшна²⁰.

После того как Чэня застрелили, хозяин дома пожелал сразу же избавиться от трупа. В соседней комнате находились люди, но никто не захотел браться за это дело. Узнав о случившемся, на место примчался Чан Кайши: будущий генералиссимус, убивший по приказу Чэня политического соперника Сунь Ятсена, считал «крестного отца» своим наставником и любил его как брата. Чан Кайши перевез тело Чэня к себе в дом, где устроил прощание с покойным. Лишь несколько человек явились воздать ему последние почести. Сунь Ятсен, жизни которого тоже угрожала опасность, не приехал. Некогда грозный «крестный отец» после смерти оказался совсем одиноким. Его тело поместили на хранение, так как у его семьи не было средств на достойные похороны. Чан Кайши был возмущен. Он написал горькую траурную речь, в которой гневно обличал «друзей» Чэня. Не упоминая имени Сунь Ятсена напрямую, Чан Кайши намекал, что тот подло поступил по отношению к человеку, который активно помогал ему делать политическую карьеру, и это сыграло свою роль в смерти Чэня²¹.

Когда об убийстве «крестного отца» Чэня стало известно в Японии, Цинлин первым же пароходом поспешила в Шанхай, к мужу. Она очень переживала и считала, что только рядом с ней Сунь Ятсен будет в безопасности. В Шанхай она прибыла ранним утром следующего дня. Сходя на берег по окутанному туманом трапу, Цинлин увидела на пристани знакомую фигуру — ее ждал Сунь Ятсен. То, что он приехал ее встречать, было поистине удивительно — Цинлин даже ласково называла его «страшно занятым человеком». К тому же он серьезно рисковал, появляясь на людях. По всей вероятности, именно любовь Цинлин подвигла

Сунь Ятсена на такой шаг: он хотел выразить ей свою признательность. Цинлин была растрогана поступком мужа и одновременно испытала глубокое облегчение, убедившись, что он невредим²².

Через восемнадцать дней после прибытия Цинлин президент Юань Шикай умер от уремии, так и не сложив с себя полномочия. Ему было пятьдесят шесть лет. Сунь Ятсен лишился своего противника. Преемником Юань Шикая автоматически стал вице-президент Ли Юаньхун. Сунь Ятсен приостановил начатую войну и задумался о том, как с ним поступить. А для Цинлин все это означало, что теперь ее мужу ничто не угрожает. Она ликовала.